

В. Маяковский. О литературе

Казалось бы ясно...

Поэт и газета — это сопоставление чаще и чаще вынуждает на газетных статьях.

«Чистые» литераторы оруд: газета снижает стиль, газета поведет себя отталкивает от углубленных тем. «Газетчик», о легкой пута Тальникова, начинает становится в определенности писательских размеров чуть не бранным словом.

В последних критических статьях (Гроссман-Рощин в журнале «На литературном посту», Тальников в «Красной нове», Горбов в «Красной книге» и т. д.) это эстетское высокомерие начинает становиться угрожающим, торжествующим революционером литературы фактом.

Газетчики, отряпайтесь! Газетчик против углубленных тем. Брунда! Мелочность тем это — мелкота собраний фактов.

Можно написать основанный на случайном событии памфлет на Чамберлена. Давать углубленную литературу — это не значит заменить Чамберлена космосом. А это значит подорвать именно на этого Чамберлена большее число именно его каскадных фактов, типизировать, систематизировать, обрабатывать, но с единственной устремленностью, — если фельетон был шельмом, — углубленная литературная вещь пусть ляжет кулаком на чамберленский цилиндр.

Восвращая наш лозунг агитаторской и оценочной сегодня актуализируется до нового. Мы — за единственную борьбу активных агитаторов строительства коммуны против астетов с проповедью ополченности, против отображений вадимным числом и прочей архаической и мистической чуши.

Мы настолько сейчас изобретены в поэтической технике и в способах владения словом, что состязаться в этой области скучно и непродуковано.

Было много противоречивых определений поэзии. Мы выдвигаем единственное правильное и новое — это поэзия — путь к социализму.

Сейчас этот путь идет между газетными полями.

Нельзя относиться к газете как к дурному обществу, приналежащему поэтскому культуру. Технически газета это — 1.000.000 экземпляров и больше ничего.

Давая газете, пропуская через нее вещи любой литературной точности. Злободневность вещей является результатом не насхлещенных строк, а вальсом поэтических образцов и заготовок, делаемых поэтом за...

Статья Маяковского «Казалось бы ясно» появилась в журнале «Юридический» № 4 в феврале 1929 г. Ни в один сборник, ни в собрание сочинений Маяковского она не вошла. Статья была напечатана в разделе «Дискуссия» под общим заголовком «Газета и литература».

Рядом с ней был напечатан «Ответ» Я. Полонского, написанный в ряде полемических тонов. Соглашаясь с Маяковским, что «газете нужна литература» и «литературе нужна газета», Полонский в то же время считал, что газетная работа Маяковского ничего не дает газете и читателю. «В. Маяковский и его друзья», — писал Полонский, — пользуются в газете. Выигрывает она что-нибудь? Нет».

Вряд ли сегодня нужно объяснять грубую ошибочность этого полонского утверждения Полонского. Она была вальдом.

гола, но в тренировке на быстроту выполнения и отрыва по массе аналогичных фактов.

Газета не только не располагает писателя к халтуре, а, наоборот, искореняет его нехлещесть и приучает его к ответственности.

Чистое поэтическое толстожурналирное произведение имеет только один критерий — «нравиться». Работа в газете вводит поэта в другие критерии — «правильно», «современно», «важно», «общее», «проверено» и т. д. и т. д.

Эти требования возбуждают поэтическую изобретательность. Например в «Космопольской правде» есть литературная страница. На ней часто появляются стихи. В разгар борьбы с хулиганством какой-то поэт писал в лирическом стихотворении о подстреленной им птице что-то вроде:

Горам прокатилось эхо. Убил я птицу. Для чего убил? А просто так, для смеха.

Разве убийство для смеха не есть лирическая апология хулиганства? Я нарочно привожу пример наиболее близкой мне и правильно боковой газетке, конечно, не могущей создать такой ясный ни в одной публицистической заметке, привожу только как разницу подходов. Здесь вина исключительного поэта. Поэт чувствует свою полную безответственность. На меня, мол, орывало делать не будет. Прочтут и забудут.

Сегодняшний лозунг поэта — это не простое вхождение в газету. Сегодня был поэт-газетчик — значит поэт-литературец — значит поэт-публицистический, пропагандистский, активный задачам строящегося коммунизма.

Только в этой точке зрения можно понимать лозунг, выдвигаемый нами в противовес бывшим левым лозунгам — «амнистия стихам и поэмам».

До сих пор литературные группировки боролись между собой по формальным отличиям. Стихлов — за Яблова, а Лейф — за другие размерности.

Сейчас мы против литературных борбешек!

Мы, газетчики, часто сами виноваты в умалении нашей работы. Мы прибредаемся, завидуя вдохновенным, и почесываем им пятки рецензиями, библиографиями, отчетами и т. п.

Нам надо пересмотреть писателей без различия родов словесного оружия — по их социальной значимости.

Критик Тальников упоминает Маяковского в связи с его статьей в «Красной нове» № 8 «Красной нове» за 1928 г., в которой он резко отозвался о Маяковском-газетчике, о заграничных стихах и очерках Маяковского.

«Амнистия стихам и поэмам» — лозунг, провозглашенный Маяковским на докладе «Левое Лейфа» в сентябре 1928 г. в Политехническом музее. На этом докладе Маяковский выступил против отгульного отрицания ледами всех будто бы отживших форм искусства и заявил, что он «амнистирует» Рембрандта, и песню, и поэму с одним условием, — что они работали на социалистическое строительство. (См. отчеты об этом вечере в газетах «Комсомольская правда» 28 сентября 1928 г., «Наша газета» 28 сентября и «Вечерняя Москва» 27 сентября.)

В. К.

А. ФЕВРАЛЬСКИЙ

В лаборатории Маяковского-драматурга

Первоначальные черновые рукописи «Клопа» и «Бани» и черновые варианты этих пьес, не вошедшие в окончательные тексты, позволяют проследить путь создания этих произведений Маяковского.

Работа над «Баней» была более сложной, чем работа над «Клопом». На заседании художественно-политического совета театра им. Мейерхольда, посвященном чтению и обсуждению «Бани» (23 сентября 1929 г.), Маяковский говорил: «Вторую пьесу писать трудней. Мне было писать ее трудней и потому, что остается мало времени для обсуждения и всегда стоит опасность, чтобы новая пьеса не была сделана из обрывков старого, и потому, что астетизм приходит во время еды, так же как страсть к театральной работе... «Клоп» и действительно писал почти в яство. Это вещь я переписывал пять раз». К большому труду, потраченному Маяковским на создание черновой рукописи «Бани», прибавилась большая дополнительная работа, отразившаяся в многочисленных вариантах. Читая пьесу на различных собраниях, Маяковский замечал ее проблемы, подчас на недоумки ему, по его просьбе, указывали слушатели, а в начале репетиций и актеры — участники спектакля. Маяковский всегда внимательно прислушивался к замечаниям и некоторыми из них пользовался как материалом, наталкивавшим его на мысли о тех или иных дополнениях к пьесе.

В черновой рукописи «Бани» Маяковский ввел много вставок. Некоторые из них носят существенный характер. Вот примеры, показывающие, как вставки расширяют и углубляют характеристику.

Вспомогательный персонаж во втором действии в ответ на предложение нарисовать его портрет заявляет (вставка введет выделены):

«Ни в каком случае! Для полноты глушесть я, конечно, откорректировал влиять не могу, но если необходимо для полноты истории и если на ходу, не прерывая работы, — [разрешаю]!», то покажу!».

В том же действии он говорит: «В то время, когда [вся страна]

идет] я веду мое учреждение с солидарностью...»

Эти вставки и замены отменяют мзкую напыщенность и самовлюбленность Победоносикова.

Вставки в реплику приспособленна-журналиста Моменталькова в первом действии ярко раскрывают его характеристики:

«Совершенно, совершенно верно, — сотрудник... сотрудник дореволюционной и пореволюционной прессы. Это только революционная у меня как-то выпала. Помыкает, белые, Крым, подполье... Пришло торговать в лавочке. Не моя — отца или дяде, кажется, дядя. Сам я рабочий по убеждениям. Я когда-нибудь напишу мемуары. Но теперь, когда опять стране понадобились интеллигентные, культурные силы и, разумеется, если будет хорошая должность, мы пойдем».

Слова, включенные в реплику художника Бельведонского во втором действии, усиливают черты подхалимства:

«Какая скромность при таких заслугах! Как сапожок чисто блестящий, прямо хоть лизни». «Нарандаш дрожит. Не передать диалектику характера при общей бытовом скромности».

В пятом действии Двоиткин отвечает Фосфорической женщине на ее недоумение по поводу быстрых успехов рабочего класса:

«У вас, товарищ, должно, просчете в исчислении годов вышел. Наверное в рабочем мы уже в прошлом году ликвидировали».

Вставки другого порядка дают любопытные детали.

Вот язык запартованного бюрократа (Победоносиков во втором действии):

«Что? Извещает? И над вторым непосредственным ответственным... т. е. безответственным... да нет, что я говорю! Вообще — тенью Маркса...»

Выступление на обсуждении «Бани» в клубе 1 образцовой типографии 30 октября 1929 г.

Я скажу несколько слов относительно выступления здесь товарищей. Прежде всего должен сказать, что я никогда не считал как-нибудь вещь законченной, сделанной, что я, мол, «амнистия себе возводит черту-границу». Я твердо верю в творческие силы рабочего класса и прихожу к нему за помощью, чтобы это черту-границу амнистия сделать разрываемой. Я всякие замечания принимаю к сведению и стараюсь ими воспользоваться.

Тут один товарищ указал, что я осмелюсь трудиться. Он осыпался в подтверждение этого на то, что вот Победоносиков лягушку машинистом-рабаше, мол, ездил в трамвае по 6 копеек, а теперь по 10 копеек. Но я здесь осмелеваю не наши трудности, а осмелеваю бюрократический подход. Бюрократу все кажется хорошо, все нравится. А мы говорим: как бы так сделать, чтобы, если раньше ездил за 6 копеек, теперь ездил за 4? Ведь наш Южелевский трамвайный парфизм нам бы пришел тоже о покупке арены рабочей целесообразности. Я бычужу бюрократов в этом смысле, как и во всех пьесах. Опытно-испытано — только образцы бюрократов, его доподличают малым Мезальяновым. Или вот еще пример (этот персонаж в том смысле, который я прочитал, выступал очень мало), это Иван Иванович, который по всякому поводу звонит Сергею Никитичу, а если Сергей Никитич неогласит, то тогда Сергею Никитичу Фелотозову, а если Никитичу Фелотозову неогласит, то тогда Сергею Никитичу Фелотозову. Все эти типы вместе должны составить общую фигуру бюрократа.

Указывали на то, что Чудаков не обрел такую аутентичную вещь, как машина времени. Нет, товарищи, то, что

мы нашу пятилетку выполняем в четыре года, это и есть своего рода машина времени. В четыре года сделать пятилетку — это и есть выдвигать времени. Как суметь себя и свое время организовать так, чтоб пятилетку в четыре года сделать. Это — машина времени социалистического строительства.

Далее говорится, что я дал своему Изобретателю фамилию Чудаков. Я выступил на сцене изобретателей, и я знаю, что изобретатель действительно, прежде всего, чудачковатый человек. Я знаю изобретателей, как людей, занятых своей идеей, которые надеются, что за них по организационному вопросу вступятся товарищи, и поэтому хотят заниматься своей работой, и часто им бюрократ в такой работе становится поперек дороги. Я не хотел его дурным сделать.

Затем товарищ говорил о том, что конюшня недостаточно слажена. Вот и Мейерхольд мне указал, что может быть, фельетеры чрезвычайно простое разрешение дела — это внешняя справедливость. Я подхожу к этому вопросу так, чтобы и аудитория была, и завершение было фееричным. Я и думаю, что это очень интересно и в театре до сих пор не применялось. Я хочу, чтобы получалась и аудитория — бюрократов подустали, и под конец фельетеры зашумели, так что в Большой театр ходить неважно, там право Сокольниковский круг, а не театр. Вот мой подход. Но это не значит, что

Выступление состоялось 30 октября 1929 г. на вечере, организованном редакцией журнала «Даше» и газетой «Литературная». Маяковский прочел три акта «Бани», после чего состоялось обсуждение. Речь во Мейерхольда на этом вечере и несколько

речи, что я от больших проблем отгораживаюсь дешевыми эффектами. Я хочу, чтоб аудитория была веселая, со звоном.

Я очень благодарен товарищам, что они подобрали меня. Если бы рабочим я был непонятен, я думаю, они не сидели бы здесь. А я вижу — сидят и слушают, и смеются в нужном месте, где я написал, чтобы смеяться, — значит понимаю, а то чего же смеяться стать бы? И напрасно мне товарищи объясняют в том, что и стиль пришел после двух выступлений в Политехническом музее. Может быть товарищи думают, что я в Политехническом музее выступил перед тем, что на один день из Соколовых отключат? Там тоже сидели советские слушатели, евреи, рабочие. У меня 150 мест есть, которые я раздаю сам. Там тоже аудитория квалифицированная, мне нужно вступать и их мнение, и поэтому напрасно думают, что я подлизываюсь. А я к хоянину в последнюю очередь прихожу. Если бы я пришел и спросил — выступайте меня, меня никто не хочет слушать, — тогда другое дело. Я же помогу к вам бюрократически — отовою, и с волюшкой долгой. Я по-настоящему хочу увидеть и услышать то, чего я не понимаю. Вы понимаете такие вещи, которых я не понимаю, и наоборот, те вещи, которые я знаю, — вы не знаете. Я очень благодарен аудитории за внимание и обещаю все свои вещи читать у вас.

отзывов выступавших рабочих были напечатаны в журнале «Даше», 1929 г. № 12.

Речь Маяковского печатается впервые по стенограмме, сохранившейся в бумагах Маяковского. Стенограмма не правлена Маяковским.

★ ★ ★

Выступление на II сезде союза воинствующих безбожников 10 июня 1929 г.

Товарищи! Федерация советских писателей поручила мне приветствовать второй сезд безбожников. Товарищи, а некоторой невольностью принял это предложение и октоно бы от него отказывался, так как считаю его немного вегетарианским. Если бы они мне дали две три антирелигиозные пьесы, или если бы они дали мне 10—15 антирелигиозных романов, то я пришел бы сюда, выложив бы на стол и сказал: вот вам наши приветствия. К сожалению, товарищи, наша антирелигиозная литература еще слаба. У нас были величайшие боготворцы, скажем, как Достоевский, величайшие боготворители и боготворители, скажем, Толстой, у нас были просто величайшие боготворцы, огромное количество мелких лирических подделав а ля:

Дорогой возмущенный боже, помоги пролить мне любовь, И из листьев последние дожде для раба своего приготови...

Мы можем уже безобозначно различать за католической сутаной мавур фашиста. Мы можем уже безобозначно за полковой расой различать образ кулака, но тысячу других типологических черт искусство отбывает нас той же самой прокаткой

мистикой. Владимир Ильич в письме к Горькому писал, что католический священник в сутане, расставшийся левухой, не так страшен, как демонический поп без расы, закручивающий нам голову красивыми словами. Мы обещаем работой ответить на призыв сезда. В наше время мы должны со всей ответственностью сказать, что если еще можно так или иначе понять безбожников на пастыри, вбивающих в себя религиозное

чувство в течение целых десятков лет, как называемых верующих, то неистовый религиозник, который работает сознательно, и работает все же религиозно, мы должны квалифицировать или как шарлатана или как дурака.

Товарищи, обычно дореволюционные или же собрания и седы кончались призывом: «с богом», — сегодня сезд кончается словами: «на бога». Вот лозунг сегодняшнего писателя.

★ ★ ★

Маяковский выступил о приветствии от Федерации писателей на открытии II сезда СВБ 10 июня 1929 г.

После приветствия Маяковский прочел сседу свое стихотворение «Шест монахи».

Печатаем по тексту стенографического отчета II сезда СВБ (называется «Безбожник», № 1930). В собрание сочинения не вошло.

Кому приятелям цитируемое Маяковским четверостишие — мы не устанавливаем.

Письмо В. И. Ленина М. Горькому, о котором упоминает Маяковский, написано в ноябре 1913 г. из Кракова. Владимир Ильич писал:

«Католический поп, расставшийся левухой (о котором я слышал случайно читал в одной немецкой газете), имел для «демократов» еще опаснейший смысл, погубивший религию, погубивший демократический, погубивший социализм и современное боже. Ибо первого пона легко разоблачить, осудить и выпнуть, — а второго нельзя выпнуть так просто, разоблачить его в 1000 раз труднее, «осудить» его ни один «хрушник» и жалостно шарки» обыватель не согласится».

(Сочинения Ленина, т. XVII, изд. 3-е, стр. 82).

Наряду с этими дружескими упоминаниями есть и замечания совсем обратного порядка. Еще никто не обратил внимания на то обстоятельство, что в шестом действии в характеристику основного объекта своей сатирической ярости — Победоносикова — Маяковский ввел отдельные черты врага народа Троцкого. Фраза Победоносикова «Не терпите политку дальше прилепа» напоминает об аналогичной формуле этого предателя. А вот описание багажа Победоносикова: «Ваночка с порезанными книжками бумага, шпильками, картонками, портфелем, охотничьими ружьями и шкафом-сундуком Мезальяновской. С четырех углов вагонетки — четыре оетера».

Сравнив эту ремарку, а также следующий за ней разговор о громадном универсаме, с такой заметкой «Правды» (от 12 февраля 1928 г. № 37):

«На станцию Фрунзе приехал Троцкий в сопровождении семьи в специальном мягком вагоне. Публика была поражена объемом багажа Троцкого (свыше 70 мешков) и наличием барского удобства, с которыми ехал высланный из Москвы Троцкий. Особо обращало на себя внимание то обстоятельство, что Троцкий привез с собой охотничьи собаку и большой набор охотничьих принадлежностей. «Что за барин приехал?» — спрашивали на станции».

Сходство явное. Несомненно, Маяковский воспользовался этим сходством для описания подготовки Победоносикова к отъезду.

Злободневная для своего времени, эта замечательная пьеса являет и сегодня. Маяковский бьет по возвращению самокритики, надеваясь над «пониманием» самокритики Победоносиковым (его реплика в III действии). В образе Победоносикова чувствуется чуждость, отрыв от масс, а знание, помрачуство, шумиха, за которой нет реального дела. Угодничество, подхалимство получили яркое отражение в образе Бельведонского и Олимпистского.

Космически выросла наша страна за семь лет, проиндустрию со дня смерти Маяковского. Черты, которые, по словам Фосфорической женщины, открывают путь в будущее, — «радость работать, жаждать жертвовать, неутомимость изобретать, выгода отдавать (конкретных) лимитов. Так, Мезальянов говорит о том, что Понт Кук «был у Анатоля Васильевича», а в одном из вариантов эти слова заменены такими: «хотел быть у т. Бубнова», — как раз во время работы над пьесой А. С. Бубнов заменил А. В. Луначарского на посту наркома по промышленности.

Иван Иванович называет массу имен; среди них есть и имена, указывающие на определенных лиц: «Я показываю наши достижения, как любит говорить Алексей Максимович».

Книга о Пушкине и русском романтизме в ряде своих выводов и утверждений представляется самостоятельной и свежей.

Целью и значением книги В. Мейлаха определяется прежде всего озабоченностью теоретического кругозора с большой конкретностью наблюдений и выводов, богатством и тщательностью в подборе фактических материалов. Этим единством методологических установок и конкретного анализа историко-литературных явлений, их органического взаимоотношения отмечена вся работа тов. Мейлаха в целом. И это обстоятельство является для автора и для его работы верной гарантией против вульгарного соположения, против вреднейшего антиисторического, априорного обобщения, которое еще частично у нас встречается.

Исследованию В. Мейлаха — работа хорошо ориентированная в спорных вопросах, в специальных проблемах, обсуждаемых пушкинистами, он широко владеет достижениями предшествовавшей пушкинистами, новейшими принципами чтения и полчи пушкинских текстов и т. д. Но вместе с тем его работа выгодно отличается на фоне традиционных специально-пушкиноведческих исследований, в которых до последнего времени царил узкий биографизм и «беспризорное» публицистство, преобладали комментационные и текстологические этюды, а попытки широкого обобщения и изучения творческой проблематики почитались ревизионами старо-академических традиций шлодом вредной игры воображения.

Новый документ, новый вариант не просто «любознаний» и «интересов» для Мейлаха. Они ему нужны. Нужны для того, чтобы прочнее, вышелее обосновать или ряд широких, общетеоретических и историко-литературных выводов.

Публика во II главе своей работы новые архивные материалы о «Вольном Обществе любителей российской словесности», Мейлах обосновывает или свою аргументацию при установлении эстетических связей взглядов Пушкина и декабристов, а обращаясь неоднократно к, в частности, в IV главе, к текстологическому анализу рукописей лирических произведений Пушкина, он это делает не ради самоцели, не ради псевдо-научного «исследования», а для того, чтобы на примерах из творчества Пушкина показать и выделить истинность популярности в свое время утверждения о близости Пушкина к школе Жуковского и реакционного романтизма. Большая фактическая насыщенность книги придает ее полемическим моментам дополнительную убедительность. Автор решительно разоблачает фальсификацию эстетических взглядов Пушкина на лагерь идеалистического, буржуазного литературоведения и делает это, противопоставляя им значительному сумму конкретных фактов, или сознательно игнорировавшихся и замалчивавшихся.

Книга о Пушкине и русском романтизме в ряде своих выводов и утверждений представляется самостоятельной и свежей.

Целью и значением книги В. Мейлаха определяется прежде всего озабоченностью теоретического кругозора с большой конкретностью наблюдений и выводов, богатством и тщательностью в подборе фактических материалов. Этим единством методологических установок и конкретного анализа историко-литературных явлений, их органического взаимоотношения отмечена вся работа тов. Мейлаха в целом. И это обстоятельство является для автора и для его работы верной гарантией против вульгарного соположения, против вреднейшего антиисторического, априорного обобщения, которое еще частично у нас встречается.

Исследованию В. Мейлаха — работа хорошо ориентированная в спорных вопросах, в специальных проблемах, обсуждаемых пушкинистами, он широко владеет достижениями предшествовавшей пушкинистами, новейшими принципами чтения и полчи пушкинских текстов и т. д. Но вместе с тем его работа выгодно отличается на фоне традиционных специально-пушкиноведческих исследований, в которых до последнего времени царил узкий биографизм и «беспризорное» публицистство, преобладали комментационные и текстологические этюды, а попытки широкого обобщения и изучения творческой проблематики почитались ревизионами старо-академических традиций шлодом вредной игры воображения.

Новый документ, новый вариант не просто «любознаний» и «интересов» для Мейлаха. Они ему нужны. Нужны для того, чтобы прочнее, вышелее обосновать или ряд широких, общетеоретических и историко-литературных выводов.

Публика во II главе своей работы новые архивные материалы о «Вольном Обществе любителей российской словесности», Мейлах обосновывает или свою аргументацию при установлении эстетических связей взглядов Пушкина и декабристов, а обращаясь неоднократно к, в частности, в IV главе, к текстологическому анализу рукописей лирических произведений Пушкина, он это делает не ради самоцели, не ради псевдо-научного «исследования», а для того, чтобы на примерах из творчества Пушкина показать и выделить истинность популярности в свое время утверждения о близости Пушкина к школе Жуковского и реакционного романтизма. Большая фактическая насыщенность книги придает ее полемическим моментам дополнительную убедительность. Автор решительно разоблачает фальсификацию эстетических взглядов Пушкина на лагерь идеалистического, буржуазного литературоведения и делает это, противопоставляя им значительному сумму конкретных фактов, или сознательно игнорировавшихся и замалчивавшихся.

Книга о Пушкине и русском романтизме в ряде своих выводов и утверждений представляется самостоятельной и свежей.

Целью и значением книги В. Мейлаха определяется прежде всего озабоченностью теоретического кругозора с большой конкретностью наблюдений и выводов, богатством и тщательностью в подборе фактических материалов. Этим единством методологических установок и конкретного анализа историко-литературных явлений, их органического взаимоотношения отмечена вся работа тов. Мейлаха в целом. И это обстоятельство является для автора и для его работы верной гарантией против вульгарного соположения, против вреднейшего антиисторического, априорного обобщения, которое еще частично у нас встречается.

Союз советских писателей Грузии возбудил ходатайство перед правительством Грузинской ССР об организации музея В. В. Маяковского в доме, где родился Маяковский в селе Багдади, под Куаиси, и сооружения памятника поэту. На рисунке И. Тимофеева — уличная сцена в Багдади.

«Пушкин и русский романтизм»

К столетию трагической гибели великого поэта наша литературная наука и литературная критика подготовили много интересных и значительных работ. Множеством ценных публикаций, статей, отмеченных новизной и оригинальностью, являются последние исследования отечественных ученых, посвященные Пушкину.

В ряду этих работ несомненно видное место принадлежит специальной работе В. Мейлаха, его книге «Пушкин и русский романтизм».

Целью и значением книги В. Мейлаха определяется прежде всего озабоченностью теоретического кругозора с большой конкретностью наблюдений и выводов, богатством и тщательностью в подборе фактических материалов. Этим единством методологических установок и конкретного анализа историко-литературных явлений, их органического взаимоотношения отмечена вся работа тов. Мейлаха в целом. И это обстоятельство является для автора и для его работы верной гарантией против вульгарного соположения, против вреднейшего антиисторического, априорного обобщения, которое еще частично у нас встречается.

Исследованию В. Мейлаха — работа хорошо ориентированная в спорных вопросах, в специальных проблемах, обсуждаемых пушкинистами, он широко владеет достижениями предшествовавшей пушкинистами, новейшими принципами чтения и полчи пушкинских текстов и т. д. Но вместе с тем его работа выгодно отличается на фоне традиционных специально-пушкиноведческих исследований, в которых до последнего времени царил узкий биографизм и «беспризорное» публицистство, преобладали комментационные и текстологические этюды, а попытки широкого обобщения и изучения творческой проблематики почитались ревизионами старо-академических традиций шлодом вредной игры воображения.

Новый документ, новый вариант не просто «любознаний» и «интересов» для Мейлаха. Они ему нужны. Нужны для того, чтобы прочнее, вышелее обосновать или ряд широких, общетеоретических и историко-литературных выводов.

Публика во II главе своей работы новые архивные материалы о «Вольном Обществе любителей российской словесности», Мейлах обосновывает или свою аргументацию при установлении эстетических связей взглядов Пушкина и декабристов, а обращаясь неоднократно к, в частности, в IV главе, к текстологическому анализу рукописей лирических произведений Пушкина, он это делает не ради самоцели, не ради псевдо-научного «исследования», а для того, чтобы на примерах из творчества Пушкина показать и выделить истинность популярности в свое время утверждения о близости Пушкина к школе Жуковского и реакционного романтизма. Большая фактическая насыщенность книги придает ее полемическим моментам дополнительную убедительность. Автор решительно разоблачает фальсификацию эстетических взглядов Пушкина на лагерь идеалистического, буржуазного литературоведения и делает это, противопоставляя им значительному сумму конкретных фактов, или сознательно игнорировавшихся и замалчивавшихся.

Книга о Пушкине и русском романтизме в ряде своих выводов и утверждений представляется самостоятельной и свежей.

Целью и значением книги В. Мейлаха определяется прежде всего озабоченностью теоретического кругозора с большой конкретностью наблюдений и выводов, богатством и тщательностью в подборе фактических материалов. Этим единством методологических установок и конкретного анализа историко-литературных явлений, их органического взаимоотношения отмечена вся работа тов. Мейлаха в целом. И это обстоятельство является для автора и для его работы верной гарантией против вульгарного соположения, против вреднейшего антиисторического, априорного обобщения, которое еще частично у нас встречается.

Исследованию В. Мейлаха — работа хорошо ориентированная в спорных вопросах, в специальных проблемах, обсуждаемых пушкинистами, он широко владеет достижениями предшествовавшей пушкинистами, новейшими принципами чтения и полчи пушкинских текстов и т. д. Но вместе с тем его работа выгодно отличается на фоне традиционных специально-пушкиноведческих исследований, в которых до последнего времени царил узкий биографизм и «беспризорное» публицистство, преобладали комментационные и текстологические этюды, а попытки широкого обобщения и изучения творческой проблематики почитались ревизионами старо-академических традиций шлодом вредной игры воображения.

Новый документ, новый вариант не просто «любознаний» и «интересов» для Мейлаха. Они ему нужны. Нужны для того, чтобы прочнее, вышелее обосновать или ряд широких, общетеоретических и историко-литературных выводов.

Публика во II главе своей работы новые архивные материалы о «Вольном Обществе любителей российской словесности», Мейлах обосновывает или свою аргументацию при установлении эстетических связей взглядов Пушкина и декабристов, а обращаясь неоднократно к, в частности, в IV главе, к текстологическому анализу рукописей лирических произведений Пушкина, он это делает не ради самоцели, не ради псевдо-научного «исследования», а для того, чтобы на примерах из творчества Пушкина показать и выделить истинность популярности в свое время утверждения о близости Пушкина к школе Жуковского и реакционного романтизма. Большая фактическая насыщенность книги придает ее полемическим моментам дополнительную убедительность. Автор решительно разоблачает фальсификацию эстетических взглядов Пушкина на лагерь идеалистического, буржуазного литературоведения и делает это, противопоставляя им значительному сумму конкретных фактов, или сознательно игнорировавшихся и замалчивавшихся.

Книга о Пушкине и русском романтизме в ряде своих выводов и утверждений представляется самостоятельной и свежей.

Целью и значением книги В. Мейлаха определяется прежде всего озабоченностью теоретического кругозора с большой конкретностью наблюдений и выводов, богатством и тщательностью в подборе фактических

М. КЛЕВЕНСКИЙ

Герцен-эмигрант

В подцензурной литературе

В январе 1847 г. А. И. Герцен выехал за границу. В этом и следующем году его сочинения еще появились в России как отдельные книги, («Что виноват?», 1847 г.), так и в периодических изданиях. Но в 1849 году имя Герцена исчезло из русской печати. В первые годы его эмиграция о нем вовсе нельзя было упоминать. С 1862 года эта правительственная тактика полного умолчания изменилась: против Герцена в этом году, при сильнейшем участии Каткова, была открыта в легальной печати травля, и с этих пор о Герцене писать разрешалось, но разумеемся, в соответствующем духе, по его писаниям оставались запрещенными.

Однако великий эмигрант разными путями, то под псевдонимами и анонимно, а нередко и под всем известным именем Искандера, все-таки проносил в русскую печать. В своей заметке мы даем краткую сводку того, что было напечатано в России из сочинений Герцена в эти годы его отлучения от родины. При этом мы хронологически останавливаемся на первых годах XIX века, т. е. заканчиваем 1906 годом.

Естественно, что в русскую подцензурную печать легче могли попадать прежние сочинения Герцена, напечатанные еще до 1849 г., чем написанные уже в эмиграции по-ру. Число последних совсем ничтожно. В 1856 г. в «Петербургских ведомостях» появились две статьи Герцена с подписью «В. В.»: «На писем путешественника во внутреннюю Англию» (№ 91) и «Оба тучи» (№ 208). Статьи эти были посланы Герценом Краевскому для напечатания в «Отечественных записках», но Краевский почему-то предпочел поместить их в газету.

В № 24 «Искры» за 1861 г. есть статья Герцена «Из воспоминаний об Англии», подписанная «Н. Огучинский». В текст статьи редакция «Искры» не внесла никаких изменений, как это отмечает Герцен в одном письме.

В 1867 г. в Париже вышла книга «Paris — Guide, par les principaux écrivains et artistes de France». Во втором ее томе была помещена статья Герцена «La colonie russe», где он главным образом вспоминает Париж 1847 года. В том же году Н. Н. Страхов поместил перевод этой статьи («Русская колония») в девятый номер «Отечественных записок». Позже свою статью «Герцен в Париже», в которую включил текст перевода, он перепечатал в известной книге «Борьба с Западом в нашей литературе».

В 1868—69 г. Герцен поместил, под псевдонимом «И. Нионский», «большую статью «Скуки ради» в «Неделе» (1868, № 48; 1869, № 10 и № 16).

Общую группу статей Герцена, увидевших свет в подцензурной печати, составляют его письма к редактору разных газет — с протестом против какой-нибудь взвешенной на него клеветы или другими подобными заявлениями. Таких писем было четыре: к редактору «Дня» («Дня», 1863 г., № 20), к тому же И. С. Аксакову («Москва», 1867 г., № 58; раньше напечатано в «Колоколе», к редактору «Биржевых ведомостей» (1869 г., № 71) и «Голосе» (1869 г., № 98). Само собой, эти письма помещались с особым разрешением цензурного ведомства, сившего почему-либо опубликование герценовских заявлений полезным для видов правительства; обычно письма Герцена печатались в сопровождении полемик против него со стороны редакции.

Переходим к тем публикациям сочинений Герцена, которые являлись перепечатками его прежних вещей. Сначала остановимся на произведе-

ниях, вышедших отдельными книжками.

В 1866 г. в Петербурге появилась роман Герцена «Что виноват?», под названием «Искандер», под псевдонимом «Искандер». По полученным Герценом сведениям, издание раскулачено нарасхват. Осуществил его известный ученый-естественник Владимир Онуфриевич Ковалевский, договорившись об этом с Герценом за границей. Цензор, пропустивший книгу, получил выговор. В 1871 г. Ковалевский напечатал второе издание романа, но оно было конфисковано. В следующий раз роман был напечатан уже через 20 лет: «Что виноват?» занимает 13-й и 14-й выпуски «Семейной библиотеки» за 1891 год.

В 1867 г. некий К. Н. Плотников выпустил в Петербурге книгу Герцена «Рассказы», куда вошло 7 произведений; вместо имени автора стояли три звездочки. Весь завод был арестован, а книга запрещена. В 1873 г. обнаружилась пропала всех 1200 экземпляров книги, хранящихся в типографии Вульфа. Отсыска их не удалось.

Существует глухое указание, что в начале 1869 г. было уничтожено «нецензуемое издание сочинений Герцена кинопроводителя Эвонара». Об этом говорится в одном «сообщении» главного управления по делам печати. (См. «Сочинения» Герцена под ред. М. К. Ломея, XXI, 299). Что это было за издание, нам неизвестно.

Уже после смерти Герцена, в августе 1870 г. в Москве в издании Е. А. Троица (фактически издание финансировал харьковский издатель А. В. Скалонов) благополучно прошла книга «Раздумья. Разные варианты на старые темы», без имени автора. Книга представляла сборник 11 произведений Герцена.

Большие хлопоты и перипетии вызвали напечатанные в 1870 г. той же Троицей предпринятые цензурой «на основании закона» «Известия об изучении природы» Герцена. Главное управление по делам печати было склонно не препятствовать распространению книги, но этому решительно воспротивился шеф жандармов Шувалов. По существовавшим положениям, книгу можно было задержать только с возбуждением против нее судебного преследования, а на соответственное решение суда трудно было надеяться. С Троица и Скалонова (затратившим деньги) в дело длительные переговоры о том, чтобы они сами отказались от выпуска книги. В конце концов Шувалов добился специального «высочайшего» повеления от 8 февраля 1871 г. о неразрешении к выпуску сочинений эмигрантов и революционеров.

Точно так же была уничтожена и книга, напечатанная в 1871 г. А. С. Герциопольским — «О причинах упадка Франции. Из сочинений П. Ж. Прудона и А. И. Герцена».

Интерес курьеза представляет книжечка «Село и деревня. Идиллический отрывок», напечатанная в 1876 г. в казанской университетской типографии с подписью «И. Г.» (очевидно, подражавшемся Искандеру Герцену). Книжечка вышла в количестве всего 50 экземпляров. Издатель — П. Васильев, — для легиона любителей изящного назвал ее «Крепкою собственностью» Герцена, почитаемого оплотнением русской деревни и природы. (Российская библиография 1881 г., № 12, стр. 265 и № 16, стр. 346).

Кроме отдельных изданий Герцена, надо указать еще два собрания книг, куда попали его вещи. Первая глава «Доктора Крупова», под названием «Левка», была включена в книгу, изданную в 1866 г. в Петербурге Е. Лихачева и А. Сувяриной: «Для чтения. Сборник пове-

стей, рассказов, стихотворений и популярных статей для детей всех возрастов» («Нилитический сборник для детского чтения», как сказано в одной рецензии). В 1867 г. «Сорокаворовка» была переиздана в сборнике «На несколько часов», выпуск II.

Очень немного остается добавить о произведениях Герцена, попавших в периодические издания. Неожиданно для Герцена, в 1862 г. одна его старая вещь оказалась перепечатанной в ряде изданий. Это была речь, сказанная Герценом при открытии публичной библиотеки в Вятке еще в декабре 1837 г. и изданная тогда же в Вятке отдельной брошюрой. Правительство, начиная печатную кампанию против Герцена, решило, чтобы скомпрометируют своего врага, воспользовавшись этой старой речью, заключавшей в себе высокие самодержавным царям за их цивилизаторскую миссию. Речь была воспроизведена (конечно, с редома или по распоряжению министра народного просвещения Толстого) в «Вятских губернских ведомостях» 1862 г., № 18. Оттуда ее перепечатали некоторые реакционные газеты: «Северная пчела» (№ 124), «Сын отечества» (№ 112), «Московские ведомости» (№ 102).

В 1871 г., уже по смерти Герцена, в одиннадцатой книге «Русской старины» М. И. Семевский напечатал его очерк «Ум хорошо, а два лучше», впервые опубликованный еще в лондонском издании «Вилло и дум». В том же журнале за 1877 г. (№ 8) М. П. Пассек напечатала шуточную вещь Герцена «Игитина и последняя эмпашиция рода человеческого от эленических врагов его» с некоторыми отрывками от журнального текста в «Отечественных записках» 1844 г. Наконец, в «Вестнике всемирной истории» 1901 г., IX, перепечатана остроумная народная легенда 1863 г. «Старца Ведрина крепкое до польски братья слово».

С конца 70-х годов в разных изданиях появляются впервые тексты некоторых произведений Герцена ранней поры, оставшихся неопубликованными. Несколько таких произведений публиковал Герцен («Последний праздник друзей», «Лициния» и др.) находились в известных записках Пассек (отдельное издание вышло в 1878—79 г.). Довольно много таких текстов дал журнал «Русская мысль»: «Легенда» (1881 г. XII), «Германский путешественник» (1882 г. I), «Встреча» (1882 г., XII), «Отдельные мысли» (1889 г., I). В «Северном вестнике» помещены: «Издания» (1894 г., XI) и «Другое бы 29-го октября 1817» (1895 г., IX). В это же время появились не мало и писем Герцена.

Парское правительство в 50-х и 60-х годах не могло сколько-нибудь успешно бороться с наплывом в Россию продукции «Вольной русской типографии»: «Колокол» и другие герценовские издания мощным потоком приливали из-за границы и широко распространялись. Но в подцензурной русской печати дело обстояло иначе: здесь была полная возможность не дать творениям Герцена никакого распространения. То, что было напечатано из сочинений Герцена за 50 лет со времени начала его эмиграции, — это в полном смысле слова жалкие курьезы, случайные обрывки. Попытки вытиснуть в свет более серьезные вещи Герцена в громадном большинстве случаев оканчивались варварским уничтожением напечатанных книг.

И только в 1900 г. душеприказчиком Ф. Ф. Павленкова удалось получить соответственное разрешение на издание сочинений Герцена, и то, конечно, с громадными изъятиями. Полные издания Герцена стали возможны только после Октябрьской революции.

Можно только удивляться, как быстро Герцен разгадал истинное положение вещей, как быстро отказался от былой веры и провозгласил переоценку ценностей. Пусть оставшаяся теория, — помогло ли глубокое чутье революционера, определило его место на баррикадах революции. Он знал цену людям, ставшим к власти, имена которых были провозглашены «на месте битвы, а в побитой камере», которым нужна была «благоразумная республика... на золотых ножках Ламартиноской слейности, обутых в ботинки Ледро-Ролле», которую охотно прикрыли своим авторитетом также Луи Блан и Альбер. Ему с ними было не по пути.

Среди деятелей февральской революции один Бланки, ненавистный крупным и мелким буржуа, Француз был для него революционером высшего века». Ему «видалась не Ламартиновая республика, а республика Бланки», «революционная диктатура».

15 мая он пошел с народной демонстрацией, организованной Барбесом, в то же время глубоко осудив последнего за отказ от вооруженного восстания, за то, что он остановился на полпути. «15 мая сияло с моих глаз повязку, даже места сомнению не осталось, — революция побеждена, вслед за ней будет побеждена и республика», писал он 10 июня. Но когда 23 июня пролетариат Парижа вышел на улицу, Герцен снова был с ним.

В июне руками Кавеньяга была расстреляна революция. Итог был подведен окончательно. Он дал Герцену в письме от 1 июня 1849 г. Итого подтвердил прогноз и закрепил первый вывод.

Для Герцена 1848 год был, по словам Ленина, «крахом буржуазных иллюзий в социализме». Здесь была положена окончательная грань между буржуазной и социалистической революцией. Время политического революционизма, настало время революции «социальной», — возвращается он к своему выводу, сделанному в 1847 г.

«В XVII столетии достаточно было быть республиканцем, чтобы быть революционером; теперь мож-

А. И. Герцен. Рисунок худ. Рейхельн. 1842 г.

ВОПРЕКИ III ОТДЕЛЕНИЮ

В 1863 году Герцен основал в Лондоне «Вольную русскую типографию» для «печатания всего писанного в духе свободы», как сообщал он в вышедшем в феврале 1863 г. литографическом листке «Вольное русское издательство» в Лондоне.

III отделение его императорского величества казначейства, следствием за революционной деятельностью Герцена с первых его шагов, исполнилось.

Сочинения Герцена и издававшаяся им газета «Колокол» различными путями проносились в императорскую николаевскую Россию, вызывая огорчение царственного жандарма и его приспешников.

III отделение и литературная деятельность Герцена — такова тема новой публикации, материалы которой будут напечатаны во второй книжке журнала «Красный архив». Публикация подготовлена и печати сотрудниками Архива революции т. А. А. Кобилю.

А. И. Герцен использовал различные пути для распространения своих изданий. В Россию они проносились не только нелегальным путем, но также легально, через почту. 16 июля 1863 г. почтовый департамент сообщил шефу жандармов, что им было обнаружено письмо на имя редактора московского дворянства, в котором он предлагал Брошюру Герцена «Юрьев день». Об этом немедленно доложил царю Николаю. Николай велел распространить тщательно следить за всей почтой, поступающей из-за границы, и воздерживать ее. На основании он велел ревизию: «На почте велено очень смотреть».

30 октября 1855 г. шеф жандармов граф Орлов обращается в начальнику всех войск округов корпуса жандармов с вопросом, в котором сообщается о массовом распространении брошюры Герцена «Емельян Пугачев», «содержащую преступное содержание сей брошюры, тем более опасной, что способ изложения оной доступен пониманию простого народа».

3 января 1857 г. шеф жандармов генерал адъютант князь Долгоруков сообщает начальнику одного из округов корпуса жандармов:

«Несмотря на все меры, принятые правительством к воспретителю ввоза в наши пределы возмутительных воззваний, печатаемых за границей на русском языке изгнанником Герценом, злоумышленники успели, кажется, распространить в России эти воззвания».

Революционные издания Герцена, несмотря на все ухищрения жандармов, находил распространение в самых отдаленных уголках российской империи.

Горбатовский земский исправник сообщает офицеру корпуса жандармов по Нижегородской губернии «о распространении между крестьянами села Богородского газеты «Колокол». По сообщению было проведено тщательное расследование, в результате которого выяснилось тот слуховой, вымышленный путь, каким попали веземские газеты «Колокол» на Богородское. Оказалось, что эти газеты привез с собой из-за границы гвардии поручик В. П. Шереметьев, у которого они были похищены и затем оказались в деревне».

Третье отделение не только ожесточенно боролось с распространением революционных сочинений и изданий Герцена в пределах российской империи. Оно принимало также все меры к тому, чтобы запретить распространение этих изданий за границей. В октябре 1863 года министерство иностранных дел сообщает в III отделение, что выданные представления, сделанные царским правительством, «августейшее правительство приняло некоторые меры для прекращения, по крайней мере, публичной раздачи сих возмутительных воззваний». Царское правительство добилось запрещения распространения в Саксония «Колокол» и «Поларный звезда». В Пруссии было также запрещено распространение «Колокола».

Попытки издать сочинения Герцена в царской России нелегальным путем (даже без указания его фамилии) кончались неудачей. Царская цензура держала выпуск в свет писем Герцена «Испысы об изучении природы», хотя сама цензура не усмотрела, в книге ничего предоступительного. Цензурный комитет мотивировал свое запрещение следующим образом: «Комитет, имея в виду, что означенное сочинение принадлежит государственному преступнику Герцену, задержанному 24 октября 1870 года выпуска в свет этой книги».

Однако, ничто не помогало. Все усилия и ухищрения III отделения не могли остановить широкого распространения революционных сочинений великого русского писателя, пламенного публициста и борца с самодержавием.

Л. ЗОРОВ

ЛОСКУТЫ

А. ЭРЛИХ

Широко известен разговор некоего редактора с сотрудником:
— Итак, тема понятна?
— Вполне. Мне еще только выложить, в каком разрезе писать?
— Какой же разрез? Сами знаете. Строк триста.

«Разрез», форма, жанр очень часто определяются у нас на глаз и на вес. Еще чаще не дается вовсе никакого значения этой, будто бы только формальной, стороне дела.

Роман — большое, многолюдное произведение, иногда занимающее несколько томов. Повесть — скромная работенка, тонкая книжка. Рассказ — совсем маленькое, почти незаметное литературное явление, в нескольких страницах и, во всяком случае, не свыше одного печатного листа. Такова написанная «теория словесных слов». Особенно отчетливо раскрываются намерения автора с результатом его письма в рассказе «Именем доктора Галли Матвея». Здесь и персонажи, и сам автор слишком развязно, не заметая крикливого противоречия своих действий и слов с сюжетным движением. Чувство меры изменяет в этом рассказе весь в одинаковой мере.

Писатель часто работает, не заботясь о цельности своего воздействия на читателя. В результате книги нередко отменяется пестротой, разрозненностью, отсутствием единой темы, случайностью. Новая книга Льва Кассия как будто нарочно вышита для наглядной демонстрации этого. Книга называется «Шепотка луны». Здесь есть разделов. Здесь читатель найдет и различные маленькие рассказы, и остро написанные фельетоны, и яркие очерки, и берелье агитки, перенесенные в книгу прямо из памятного блокнота, и просто корреспонденция с парохода, терпящего бедствие во время шторма на Черном море. Естественно, что так составленная книга лишена единой темы, какой-либо точной авторской устремленности.

«Шепотка луны» — механически подвешенный итог литературной деятельности автора за определенный период времени.

Между тем, почти каждое, в отдельности взятое, произведение Льва Кассия отмечено талантом, острой наблюдательностью и, часто, ясной и звуковой темой.

«Кража зрени», например, прекрасного рассказа о неграмотной восточке, долгие годы пребывавшей во власти шантаниста, но обучившейся грамоте и вскоре узнавшей истинное содержание письма, которым так долго терзал ее бывший трактирщик. Автор находит простые и убедительные слова для изображения старухи, впервые прогнавшей в звучный мир букв. Рассказанные по полу детские куклы приобрели отчетливый голос. Они шептали, они кричали ей в ухо. «У! — кричал один кубик — III — шипел другой».

Старуха старательно посещала курсы либвеа, организационные активистом жакта. И «глухой, слепой мир» вдруг стал для нее общительным. Он оказался ей болтливым... С нем разговорчивая теперь на улице стены, афиши, тумбы, плакаты... Город был туго набит большими буквами... Азбука развезала по городу на трамваях. А! — кричали трамвай в одном углу; В! — орала она на следующем перекрестке; В!..

С той же яркостью автор вводит читателя во внутренний мир другого своего персонажа, Рудольфа Ивановича Найрита, критически настроенного старичка-коллекционера из очерка «В тесных салонах по просторному миру, или хуб, так хуб». Читатель проникается любовью и к капитану Галантину на рассказе «Трансбальт», совершающему ради большой дочери «далекое морское путешествие», оставаясь на земле, в морском музее. Равным образом читатель будет взволнован портретом Чюлковского, данным в очерке «Землеоплаватели и земляки». Он посмеется анекдоту «Ку-ка-реку!» о

станционном пегухе, он позабавится наброском «Сорок два вазита в поисках обыкновенного, атими белыми наблюдениями автора, взгляды-вавшего в чужие квартиры, он возненавидит вместе с автором паразитирующие существа, подобные «чаровательной» и безаладной Жюзе из фельетона «Руба».

Правда, есть в сборнике два-три рассказа, относительно которых могут возникнуть у читателя и возражения, и чувства недоумения, протеста, а может быть, даже и раздражения. Лев Кассиль предпочитает иронический тон «во всех случаях жизни», вне зависимости от тем и ситуаций. Трудно поверить, чтобы человек, как бы знаменитостен и весел он ни был, в трагическую минуту находил бы в себе только смешливые слова. Особенно отчетливо раскрываются намерения автора с результатом его письма в рассказе «Именем доктора Галли Матвея». Здесь и персонажи, и сам автор слишком развязно, не заметая крикливого противоречия своих действий и слов с сюжетным движением. Чувство меры изменяет в этом рассказе весь в одинаковой мере.

К доктору прилетел из-за Волги взволнованный человек «в кожанке и шляпе с очками». У летчика умирает жена. Необходима срочная помощь. Талантливый автор хорошо рисует человека, спустившегося прямо «с неба»: «Кусочки голубого неба сохранили он на уголках своего форменного кожаного воротника».

Летчик умоляет доктора отправиться немедленно вместе с ним в воздух, на ту сторону реки, охваченной осенним ледоходом.

И вдруг, в эту беспоконную, смутную минуту автор, доктор и летчик — все вместе — заговорил языком клоунов в цирке, единственно озабоченных шуткой и нарочитой резкостью.

Лететь? «Доктору стало немножко не по себе. Приговор говоря, страшно стало доктору».

Читатель несправедливо удивлен, но еще вправе рассуждать, что это нечаянный срыв. Увы, вслед за автором таким же тоном заговорил и сам доктор:

«Так вот где таилась погань моя, — сказал он шутливо. — Эх, мал!.. Вы как, не грохнете меня часом?».

И хоть диалог этот написан буквально несколькими строчками ниже тревожных сообщений о смертельной опасности, угрожающей рождению, о необходимости срочной помощи, летчик «повеселел» и сказал, успокаивая доктора:

«Будьте покойнички». Читатель уже раздражен, возмущен, а дальше следуют еще и еще фальшивые, бесстыдные реплики. — о машине, о жене, о том, что летчик, конечно, жалел свою жену, но и «на машину нельзя плевать», и что машина «с конуской облетит», и что летчик «своему занятию сочувствует»..

К счастью, подобного рода рождение очень редки, и автор отчетливо выбирает сюжеты, органически ему свойственные. Повторяем, в большинстве рассказов, очерков и фельетонов сборника Лев Кассиль обнаруживает умелое владение самой важной для писателя тайной — тайной верного проникновения во внутренний мир своих героев.

И тем досаднее, что он не позаботился о цельности общения с читателем. Механически построив книгу, наполнив ее без разбора всеми видами своей литературной практики, он ослабил, раздробил, размял и рассеял собственные свои силы. Книга отомстила за себя. Пестрота тем, жанров, форм дали в итоге книгу лоскутную, боющую рассеянным огнем в разных направлениях и не поразившую ни одной мишенью и должной точностью и силой.

Такова расплата за легкомысленное пренебрежение к единой форме, к органичности и цельности книги.

Герцен и революция 1848 года

Н. РУБИНШТЕЙН

1848 год — историческая дата в биографии Герцена «писателя, сыгравшего великую роль в подготовке русской революции» (Ленин).

В первые дни 1847 года, проважались кучкой друзей, Герцен навелся оставил пределы России. Он уехал из России, потому что Россия была николаевской тюрьмой, где все живое было задалено жандармским режимом Бенкендорфов и Дубельтов, всеобщим рабованием и правительственной неспособностью. Было все сильное и неспособное было обречено на смерть, иде в синодик жертв русского самодержавия на короткий срок были выписаны лучшие имена — имена Ледро-Ролле, Пушкина, Грибоедова, Лермонтова, Кольцова, Белинского, Полежаева и неистовые имена других, бесчестных жертв паразита. Он уехал в Европу, потому что там шла открытая борьба, потому что он устал от революции.

С чем шел он в Европу? Как мыслил он революцию?

Герцен принадлежал к тому поколению, которое разбудил гром пушек на Сенатской площади 14 декабря 1825 г., революционная мысль которого воспиталась на уроках и образцах великой буржуазной революции 1789 г., которые ватем на ранних произведениях Тьерри и Гизо получили первые уроки теории классовых борб, которые от Гете-«альберга революции», от Фейербаха — уроки материализма, а от Симона, Фурье и их единомышленников — первую мысль о социализме. В пробужденный класс — класс научного социализма, основные положения которого уже формулируются в эти годы Марксом и Энгельсом.

Но могла ли пережить этот предел революционная мысль в царской России 40-х годов? Революционность утопического социализма

ма кончил в 40-х годах Белинский в своих замечательных письмах к Боткину. С нее начинал в конце 40-х годов молодой Чернышевский, восторженно приветствуя в валипах своего дневника мелкобуржуазных «героев» 1849 года — Ледро-Ролле, Луи Блана, которым он даст вслух самую отрицательную оценку десяти лет спустя.

Герцен шел в ногу со своим временем, не поспевая, а впереди лучшей части русской интеллигенции. Голы мысли и непосредственного соприкосновения с народной жизнью помогли революционному самоощущению от многих иллюзий либерализма. Помог и Белинский. Сперва произошел разрыв со славянофилами; ватем разрыв с либералами-западниками. Но продолжить это самоощущение можно было лишь на Западе, вочию убедившись в банкротстве прошлого и став лицом к лицу с поднимающимся рабочим революционным движением. Эту внутреннюю чашку принес Париж.

Имя Парижа тесно соединено со всеми лучшими упованиями современного человека, а в него вхлал с трепетом сердца, как некогда вхлал в Рим. И что же я нашел... Ответ на это, истеричивающий и полный, Герцен дал уже через несколько месяцев. «Смерть в литературе, смерть в театре, смерть в политике, смерть на трапеции, холщич мертвец Гизо, с одной стороны, и летящий лепет селой оппозиции, о другой...». За этим, однако, проступал уже иной новый мир, еще неизведанный: «Там, где-то внизу, вдали раздавались иногда сильные стания, казалось, они выходили из могучей и здоровой груди...». К этой теме он возвращался повторно. «Другого рода протестация порядку вещей слышалась... Какое же будущее из-под земли... Какое же будущее раздавалось по временам, не в камере, не в «National», не в «Réform», а в мастерской, у изготовля-

умирающих от нужды, а иногда в асиазах (судебных заседаниях) — Н. Р.» («Gazette des Tribunaux» — указывала его, не понимая, что делает».

Можно только удивляться, как быстро Герцен разгадал истинное положение вещей, как быстро отказался от былой веры и провозгласил переоценку ценностей. Пусть оставшаяся теория, — помогло ли глубокое чутье революционера, определило его место на баррикадах революции. Он знал цену людям, ставшим к власти, имена которых были провозглашены «на месте битвы, а в побитой камере», которым нужна была «благоразумная республика... на золотых ножках Ламартиноской слейности, обутых в ботинки Ледро-Ролле», которую охотно прикрыли своим авторитетом также Луи Блан и Альбер. Ему с ними было не по пути.

Среди деятелей февральской революции один Бланки, ненавистный крупным и мелким буржуа, Француз был для него революционером высшего века». Ему «видалась не Ламартиновая республика, а республика Бланки», «революционная диктатура».

15 мая он пошел с народной демонстрацией, организованной Барбесом, в то же время глубоко осудив последнего за отказ от вооруженного восстания, за то, что он остановился на полпути. «15 мая сияло с моих глаз повязку, даже места сомнению не осталось, — революция побеждена, вслед за ней будет побеждена и республика», писал он 10 июня. Но когда 23 июня пролетариат Парижа вышел на улицу, Герцен снова был с ним.

В июне руками Кавеньяга была расстреляна революция. Итог был подведен окончательно. Он дал Герцену в письме от 1 июня 1849 г. Итого подтвердил прогноз и закрепил первый вывод.

Для Герцена 1848 год был, по словам Ленина, «крахом буржуазных иллюзий в социализме». Здесь была положена окончательная грань между буржуазной и социалистической революцией. Время политического революционизма, настало время революции «социальной», — возвращается он к своему выводу, сделанному в 1847 г.

«В XVII столетии достаточно было быть республиканцем, чтобы быть революционером; теперь мож-

но очень легко быть республиканцем и отчаянным консерватером. Социализм в наше время нельзя не быть революционером». Буржуазная революция, революция «политическая по шаблону 1789 г.» подлежала сладе в архив. «В ней вместе сдалась в архив и жемейной буржуазного либерализма».

«Время либеральной партии и политических республиканцев прошло, — пишет он дальше, — им нечего сказать, им нечего делать, их республика оттого и не стоит, что не может стоять, она обойдена, народу до нее нет дела».

Это было разочарованием не в революции, а только в банкротившихся политиках революции; они «все-таки ближе к Гизо, нежели к нам». «...С июньских дней народ расстается с революционерами именно потому, что остается верен революции».

И снова заключительным аккордом звучит пророческий прогноз грядущей пролетарской революции. Вместо неосторожных попыток и вадиров буржков думает крепкую думу. С тех пор, как грубая рука полиции заперла клубы и электроральные собрания, клубы рабочих перенеслись в деревню... В груди крестьянина собирается тяжелая буря. Он ничего не знает ни о тексте конституции, ни о разделении власти, но он мрачно поглядывает на богатого собственника, на нотариуса, на ростовщика; но он видит, что сколько ни работай, барыши илет в другие руки, — и слушает работника. Когда он его дослушает и хорошо поймет, с своей упорной твердостью хлебопашца, с своей основательной прочностью во всяком деле, тогда он сотрет свои старые общественные устои. И это будет настоящая революция народных масс. Всего вероятнее, что действительная борьба богатого меньшинства и бедного большинства будет иметь характер реакко коммунистический».

Надо сопоставить эти высказывания Герцена с современными им заявлениями дневника Чернышевского, с высказываниями Маркса, с другой, чтобы оценить их силу и глубину.

Почему же все-таки Герцен не стал под знамя коммунизма, полното Марксом и Энгельсом; откуда его последующие «отступления» от демократизма к либерализму? Это

была «не вина Герцена, а беда его» (Ленин), его глубокая личная драма. Она была «порожждением и отражением той всемирно-исторической эпохи, когда революционная буржуазная демократия уже умирала (в Европе), а революционное социалистическое пролетариата еще не созрела» (Ленин).

Именно он оставался верен своим выводам. «Именно сочувству

ЛИТЕРАТУРНЫЙ КАЛЕНДАРЬ

10—14 апреля 1744 года. Умер А. Кантемир

11 апреля 1744 г. умер Антонио Кантемир — первый русский сатирик и крупный поэт XVIII века.

Впервые сатиры Кантемира были известны только в 1762 году, т. е. через 30 лет после того, как были написаны.

После смерти Николая Смирдина в 1867 году снова поднимается вопрос о переиздании Кантемира.

1898 год. Первые книги М. Горького

12 апреля 1898 года вышли в печать первые два тома «Очерков и рассказов» Горького.

Несмотря на то, что Горький в то время был уже известным писателем, издание его книг встретило большие затруднения.

«Странная забывчивость»

В «Литературной газете» от 30 марта была помещена заметка «Странная забывчивость».

В связи с этой заметкой мы получили на Накимпроса копию телеграммы заместителя наркома просвещения Т. В. Волына от 4 апреля.

«Из прошлого»

Мемуары Вл. И. Немировича-Данченко

Выпуском издательства «Артиста» воспоминания народного артиста СССР Вл. И. Немировича-Данченко несомненно принадлежат к числу интереснейших книг о доореволюционном прошлом русского театра.

Написанные блестящим знатоком русской театральной культуры, пытливым наблюдателем литературных и артистических нравов, мемуары Вл. И. Немировича-Данченко красочно раскрывают перед современным читателем картину жизни петербургских и московских театров (конца XIX — начала XX столетия).

Начальные главы книги посвящены описанию первых литературных успехов автора мемуаров.

Однако, повествуя о своем дебюте на драматургическом поприще, Немирович-Данченко не замечает, как это часто делают мемуаристы, в кругу личных переживаний, а подробно освещает общественную жизнь того времени.

Ярко и увлекательно рассказывает автор о своих встречах с А. П. Чеховым, А. М. Горьким, Л. Н. Толстым, А. И. Сумбатовым-Южником, А. П. Лесковом и другими крупными писателями и театральными деятелями России и Запада.

Особенно большое место уделено в воспоминаниях А. П. Чехову, о котором автора книги ссылались докучно и крепкая дружба.

«Длинных объяснений, долгие споры Чехов не любил. Это была какая-то особенная черта. Слушал внимательно, часто из любознательности, но часто и с интересом. Сам же молчал, молчал до тех пор, пока не находил определения своей мысли, короткого, меткого и истерически выходящего. Скажет, улыбнется своей широкой летучей улыбкой и опять замолчит».

К удивлению Писсе переговоры эти были долгое время безуспешными. Под разными предлогами он всюду получал отказы.

В конце концов Писсе нашел издателя. Это были С. П. Дороватовский и А. П. Чарушиников. Видя, что официальные издательства не рискуют печатать Горького, они решили издать его книги на свой страх и риск.

Оба тома были сданы в набор одновременно. Вторую корректуру вел сам Горький. В большинстве газет и журналов были помещены положительные отзывы.

1903 год. Литературный дебют Блока

В первой половине апреля (в конце марта по ст. стилю) 1903 г. вышел № 3 журнала «Новый путь» с опубликованными в нем стихами А. Блока.

Сам Блок, в своей автобиографии рассказывает о более ранней попытке печататься в журнале «Мир божий».

Новое издание «Калевалы»

ЛЕНИНГРАД (Наш корр.). К двадцатилетию Великой Пролетарской революции Карельский научно-исследовательский институт готовит новое издание «Калевалы» на русском языке.

Старый перевод «Калевалы» был сделан Бельским не с финского подлинника, а с немецкого перевода. В нем много неточностей и искажений.

Работу института консультирует народный поэт Карелии Т. Ямари Виртанен.

С. Герасимов. «Кавказ».

(Выставка акварельной живописи в Москве)

Групповое безделье

Группком Гослитиздата — крупнейшая профсоюзная организация советских писателей Москвы.

Секретарь группкома Т. Зырянов заявил нам, что после проведенного недавно переучета членов профсоюза, в результате которого было открыто около 60 человек, в группкоме остались только те писатели, которые крепко связаны работой с Гослитиздатом.

Эти товарищи должны объединять профсоюзные организации по месту их производственной работы, но никак не писательским профсоюзом, где необходимым условием приема является деловая творческая связь с Гослитиздатом.

Группком, за небольшим исключением, не знает, над чем работает писатель, критик и переводчик — члены профсоюзной организации Гослитиздата.

Но какую политико-просветительную работу ведет группком с писателями, как он возмещает их в своей работе? Месяцев восемь назад группком созвал общее собрание, на котором дружные разговоры велись о том, что они пишут, и разошлись.

Заместитель председателя группкома писатель Т. Ляшко жалуется на то, что он, мол, поднимал в «Литературной газете» вопрос о социалистическом соревновании писателей, но что это дело заглохло.

спросить у Т. Ляшко: а что он следил сам, как руководитель профессиональной организации, для того, чтобы на практике работы писателей Гослитиздата доказать все целесообразность этого предложения?

Кружковая работа в группкоме не в почете. В организованном недавно единственном кружке политучебы занятия систематически срываются по той причине, что из записавшихся 20 человек на кружок приходит только 6—7 человек, и те нерегулярно.

Группком писателей собрал членские взносы, выдавал суды, устраивал литературные вечера, говорил о перестройке профпрофкома.

Выделенный для работы с писателями от ЦК инструктор Т. Бондаренко вот уже четвертый месяц как ушел на учебу.

Даже на состоявшемся недавно III пленуме ЦК союза вопрос о работе с писателями в повестку дня не вошел.

В своем решении пленум вопиющим, правда, о работе с писателями и записал: «Признавая недостаточное развитие профработы с писателями, пленум предлагает усилить внимание к этому участку работы. Создать общее собрание писателей — членов группкома для обсуждения решений III пленума ЦК союза и для разработки конкретных мероприятий по усилению профработы с писателями».

Не бюрократическая ли это отписка ЦК союза от работы с писателями?

Никаких собраний писателей создано не было, никаких мероприятий по усилению профработы с писателями не разработано. ЦК союза в свою очередь не сделал попытки проверить, как выполняется на местах решение его пленума.

Примерно так же ведется работа и в группкоме «Советский писатель». Секретарь ГК Т. Гарная заявила нам: «Работаем мы слабо. А что нужно сделать для того, чтобы по-настоящему было, — это его знает».

На определенном этапе работа профсоюза с писателями. Много выяснено. Нам никто по-настоящему не интересуется, мы чувствуем себя как-то в отшибе: все говорим о перестройке, а дело не движется.

Профессиональная организация писателей в нынешнем положении абсолютно не отвечает требованиям, предъявляемым к ней как к объединению большого отряда советской интеллигенции.

А. ГОБЕР

Извещение

10 апреля в 7 час. вечера в помещении ДСП состоится общесоюзное собрание жен писателей, посвященное решениям пленума ЦК ВКП(б).

Обсуждение жен писателей проистекает от писателей принять участие в обсуждении и критике работы объединения за истекший период.

НЕДОПУСТИМОЕ РАВНОДУШИЕ

Из писем в редакцию

Редакция «Литературной газеты» ежедневно получает десятки писем от литкружковцев и начинающих авторов.

Много горьких упреков направляет она по адресу союза советских писателей.

Член литкружка Орехово-Зуевского района Т. Богатырев в своем письме в редакцию «О дилетантских литературных кружках» делает очень характерную приписку: «спрошу это письмо прочитать и никуда не отправлять для принятия мер. Это безнадельно!».

«Наш литературный кружок, пишет Т. Богатырев, с полным правом можно назвать дилетантским, но не зарегистрированным. За два года мы не получили никаких методических материалов. Литкружок несколько раз обращался в правление ЦСП с просьбой оказать помощь, выявить и взять на учет наиболее способных товарищей».

«Более года существует на Уралмаше литературный кружок. Однако о первых же днях существования кружка заволакуемые профсоюзные и общественные организации проявили полное равнодушие к его судьбам. В течение всего этого года редакция местной газеты упорно игнорировала литературный кружок. Единственная

организация, пошедшая нам навстречу, — это редакция радиовещания».

«Уже несколько месяцев кружок находится под угрозой развала. Характерно, что все наши обращения в райком партии до сих пор ни к чему не привели. Положение, при котором на заводе-гиганте Уралмаша единственный литературный кружок влачит жалкое существование, далее нетерпимо».

«Полное равнодушие к литературному движению молодежи зародило и все периферийные отделения союза писателей».

«Ежедневно, — пишет нам редакция газеты «Потрагичный транспортник», — мы получаем много стихов и рассказов молодых авторов. Многие из них слабы, но среди этих многочисленных авторов есть и способные люди. Но они не объединены, они не получают никакой помощи».

«Полное равнодушие к литературному движению молодежи зародило и все периферийные отделения союза писателей».

«7 апреля в клубе Московского университета состоялось торжественное заседание, посвященное 120-летию со дня рождения А. И. Герцена. Проф. М. В. Нецкина прочла доклад «Герцен в русском революционном движении», проф. Н. Я. Вродский — доклад «Герцен как художник».

«К 125-летию со дня рождения А. И. Герцена Гослитиздат «молодые» выпустил книгу И. Новича «Духовная драма Герцена».

«6 апреля состоялся торжественный вечер в Московском педагогическом институте им. В. Бунина. Здесь доклад о Герцене сделал проф. Ф. М. Головинский».

Ответственный редактор Л. М. СУБОЦИН. ИЗДАТЕЛЬ: Журнально-газетное объединение.

РЕДАКЦИЯ: Москва, Сретенка, Последний пер. д. 26, тел. 69-61. ИЗДАТЕЛЬСТВО: Москва, Страстной бул., 11, тел. 4-68-18 и 5-61-69.

Государственное издательство «Художественная литература»
Вышел из печати и в продажу рассылается подписчикам и поступает в продажу
«ЛИТЕРАТУРНЫЙ КРИТИК» № 3
В НОМЕРЕ: Теория и история литературы. Ю. Юровский — «Васса Железнова» (второй вариант). Георг Лунач — Георг Бюхнер полнотекстовый и фальшивый.

Государственное издательство «Художественная литература»
ВЫШЕЛ ИЗ ПЕЧАТИ и рассылается подписчикам журнал «ЗНАМЯ» № 2
СОДЕРЖАНИЕ: Памяти тов. Орджоникидзе. Николай Вирта — Заповомерность, роман в трех частях. Евг. Домоладовский — Современники.

Государственное издательство «Художественная литература»
Вышел из печати и в продажу рассылается подписчикам и поступает в продажу
«ОКТАБРЬ» № 3
СОДЕРЖАНИЕ НОМЕРА: Ф. Панферов — Творчество «Вруда», кн. 4-ой. Роман, оккупация. Н. Асеев — Маяковский начинающий, поэма.

В БЛИЖАЙШЕЕ ВРЕМЯ выходит в свет специальный номер «ОГОНЬКА»
«КУЛЬТУРА И БЫТ НАРОДОВ СЕВЕРА»
«Культура и быт народов Севера» является высокохудожественным изданием, одним из первых, посвященных культуре, быту и быту наших многочисленных северных народов.